

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

11 января

1897 года.

№ 2

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 2

Свое иконописное искусство г. Соловьевъ передалъ трудолюбивому и любомудрому своему сослуживцу іеромонаху Теофану. Труды Соловьева по иконописи украшаютъ монографіи преосвященнаго Порфирія Успенскаго, труды по сему предмету святителя Теофана украшаютъ святыя храмы Іерусалима и Вышенской обители. Священны сии памятники!

О томъ, какъ любилъ иконописные труды святитель Теофанъ, свидѣлствуютъ многочисленные иконы иконостаса его домовоі церкви въ Вышенской обители. Большинство сихъ святыхъ иконъ принадлежатъ кисти самого затворника-иконописца, какъ видно изъ прописанной выше замѣтки о «Церкви въ келліи святителя Теофана», помѣщенной въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Этой замѣткой мы желали сказать, что не одна только келейная Вышенская церковь благолѣпно украшается иконами святителя Теофана. Иконы его письма украшаютъ и одинъ монастырь въ Святомъ Градѣ. О семъ послѣднемъ благоуукрашеніи, кажется, еще никѣмъ не было сообщено въ печати. Зная, какъ широко распространено въ нашемъ отечествѣ почитаніе памяти почившаго въ Бозѣ святителя Теофана и упоая на то, что всякое новое сообщеніе о немъ будетъ принято съ душевною радостію, я и рѣшился передать объ иконахъ его то, что видѣлъ своими глазами. Многіе-ли знаютъ у насъ на Руси то, что въ Святомъ Градѣ имѣются иконы письма чтимаго святителя Теофана!

Протоіерей К.л. Ооменко.

Миссія въ Тургайской области.

Торжественно встрѣчается по лицу земли Русской праздникъ Рождества Христова: и въ городахъ, и въ селахъ, и посадахъ, всюду, гдѣ есть исповѣдники родившагося Спасителя и храмы Его, всѣ такъ или иначе участвуютъ въ этомъ великомъ воспоминаніи. Церковь усиленно привлекаетъ

къ себѣ въ эти дни богомольцевъ, и даже люди равнодушные, люди маловѣрные заходятъ въ нее тогда и, слушая величавыя рождественскіе напѣвы, невольно поддаются обаянію ихъ. Вражда, соперничество, злоба какъ бы умѣряютъ тогда свою силу, и люди стараются смягчить свои отношенія, давать болѣе мѣста любви, милости и снисхожденію другъ ко другу. Люди оставляютъ свои обычные дѣла и стараются по возможности въ мирѣ встрѣтить праздникъ, и всѣ, смутно или сознательно, отдають дань великому воспоминанію о величайшемъ событіи въ исторіи человѣчества, съ которымъ пришло для него спасеніе.

Всѣ проникаются настроеніемъ этого праздника, и въ немъ, дѣйствительно, есть свое особое настроеніе, настроеніе какъ бы тихой радости, обновленной надежды, которое дало такъ много нищѣ человѣческому чувству и фантазіи, вызвало столько трогательныхъ разсказовъ, сказаній, легендъ, дѣтскихъ повѣстей, которые питають душу каждаго изъ насъ на зарѣ жизни и оставляють слѣдъ на все послѣдующее время.

Разнообразно проводится праздникъ Рождества Христова въ нашемъ необъятномъ и столь неоднородномъ отечествѣ.

По всему лицу православной Россіи совершается славленіе, съ которымъ для каждаго русскаго связано столько дорогихъ воспоминаній изъ дѣтства: въ городахъ устраиваются елки, въ деревняхъ—колядованія.

Но въ иныхъ, еще многочисленныхъ мѣстностяхъ нашего отечества этого праздника совсѣмъ не знаютъ, потому что еще не было благовѣствовано тамъ о родившемся Спасителѣ, или благовѣстіе о Немъ только что начинается.

Къ послѣднимъ мѣстностямъ относится страна киргизъ, въ одной изъ областей которой, именно Тургайской, проповѣдь о Христѣ раздалась въ самые дни воспоминанія о рождествѣ Спасителя; поэтому-то мы и приурочили разсказъ о евангельской

проповѣди среди тургайскихъ киргизъ къ днѣмъ праздниковъ.

Въ то время, какъ въ городахъ и селахъ праздникъ Рождества Христова проводится такъ радостно, полно,—въ киргизскихъ степяхъ лежатъ глубокіе, непроѣздные снѣга, стоятъ жестокіе морозы и дуютъ страшные бураны, и метелицы метутъ на необъятномъ просторѣ снѣжныхъ равнинъ.

Все живое исчезаетъ: или погибаетъ отъ бурановъ и морозовъ, или прячется въ землю,—больше прятаться некуда: ни лѣсовъ, ни горъ, ни жилищъ нѣтъ, если не считать за жилища тѣ землянки, въ которыхъ ютятся киргизы.

Уже съ 70-хъ годовъ въ этихъ землянкахъ киргизскихъ на сѣверѣ Тургайской области начали появляться и русскіе поселенцы и, гонимые нуждою и исканіемъ лучшихъ мѣстъ, того загадочнаго бѣловодья, съ мечтою о которомъ двигаются на востокъ наши переселенцы,—они успѣли приспособиться и къ землянкамъ, и къ суровой киргизской жизни въ нихъ и попасть въ кабалу къ киргизамъ-богачамъ, увидѣвшимъ въ нихъ выгодную рабочую силу. Русскіе, какъ природные земледѣльцы, немедленно принялись за посѣвы хлѣбовъ, киргизы давали имъ землю и зерна, русскіе прилагали свой трудъ, а урожай, обильные на превосходной землѣ, дѣлили или поровну, или $\frac{2}{3}$ —киргизу владѣльцу, $\frac{1}{3}$ —русскимъ. Киргизы, нисколько не трудясь, получали огромные барыши и не давали ходу русскимъ поселенцамъ, притѣсняя въ разныхъ отношеніяхъ, чтобы они оставались вѣчными работниками.

Экономическая зависимость сковала поселенцевъ и матеріально, и нравственно: будучи разбѣяны по ауламъ, не имѣя ни церквей, ни священниковъ, они подверглись давленію со стороны киргизъ-магометанъ въ области духовной, стали стыдиться своихъ обычаевъ и дѣлались равнодушны къ своимъ религіознымъ обязанностямъ.

Ихъ грозила опасность со стороны татарско-магометанской пропаганды, уже съ

прошлаго столѣтія дѣйствующей въ киргизской степи.

Въ послѣднее время Тургайская администрація и духовная власть замѣтили опасное положеніе русскихъ поселенцевъ среди киргизъ и приняли соответствующія мѣры.

Въ 1891 году положено было основаніе миссіонерскому стану въ городѣ Кустаная, Тургайской области. Въ этомъ году преосвященный Оренбургскій Макарій поручилъ законоучителю школъ посада Кустаная (нынѣ города) священнику О. Соколову отправиться на святкахъ къ русскимъ поселенцамъ, проживающимъ по киргизскимъ ауламъ Тургайской области, помолиться съ ними, побесѣдовать о праздникѣ Рождества Христова и о другихъ предметахъ святой вѣры и вмѣстѣ произвести опыты проповѣданія слова Божія киргизамъ на ихъ родномъ языкѣ. О. миссіонеръ выѣхалъ изъ Кустаная 24 декабря, чтобы праздникъ Рождества Христова встрѣтить среди бѣднаго русскаго люда, оторваннаго отъ Церкви Божіей. Этой поѣздкой открыта была дѣятельность Кустанайскаго миссіонерскаго стана *).

Наканунѣ Рождества о. Соколовъ выѣхалъ въ аулы. Въ то время, какъ въ русскихъ городахъ и селеніяхъ замѣчается съ этимъ праздникомъ общій подъемъ настроенія, оживленіе среди праздничной обстановки и убранства церквей и жилищъ, тамъ, въ далекой киргизской степи, въ землянкахъ, гдѣ пріютились люди, темно, уныло и сыро, и почти ничто не отмѣчаетъ православнаго праздника.

Но вотъ православный миссіонеръ пріѣхалъ въ первые аулы и нашелъ здѣсь

*) О. Соколовъ—воспитанникъ Казанской ииородческой семинаріи, созданной Н. И. Ильминскимъ, извѣстнымъ дѣятелемъ ииородческаго просвѣщенія; прекрасно зналъ киргизскій языкъ, о. Соколовъ могъ войти въ подробности быта киргизъ и русскихъ поселенцевъ и во время своихъ поѣздокъ открылъ даже для администраціи много новыхъ и неожиданныхъ фактовъ. Его интересныя записки объ этомъ напечатаны въ «Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1892 годъ, а также за 1895—96 гг.

пять русскихъ семействъ. Онъ пригласилъ ихъ къ себѣ и въ ихъ присутствіи совершилъ всенощное бдѣніе въ маленькой, сырой и душевной землянкѣ, гдѣ онъ и ночевалъ, и встрѣтилъ великій праздникъ Рождества Христова. Послѣ всенощной, онъ сказалъ поученіе о праздникѣ Рождества Христова.

Киргизы встрѣчали миссіонера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недружелюбно и отказывали въ гостепримствѣ его ямщикамъ, ради того только, что они привезли священника. Въ этомъ сказывалось, насколько сильно были настроены киргизы въ духѣ магометанскаго фанатизма муллами-татарами; послѣдніе, оказывалось, разбѣжались по степи, совершали молитвы надъ большими и старались снабжать киргизъ разными мусульманскими вѣроучительными книгами.

Много знаменательныхъ фактовъ изъ области отношеній киргизъ къ поселенцамъ пришлось раскрыть миссіонеру, — фактовъ, доказывающихъ поползновенія татарско-магометанской пропаганды проникнуть даже въ русскую среду и то, насколько киргизскій бытъ неотразимо влияетъ на русскихъ. Въ одномъ аулѣ проживало русское семейство. Вотъ въ какомъ состояніи нашелъ его миссіонеръ. Самъ хозяинъ былъ растрепанный, видъ его совсѣмъ не праздничный. Землянка, гдѣ онъ жилъ, устроена на подобіе татарской; иконъ не было; столъ, лавку и кровать замѣняли нары (широкія татарскія лавки), былъ замазанъ котель. Священникъ спросилъ: «что же у тебя, братецъ, иконы нѣтъ, самаго главнаго и дорогого предмета въ домѣ христіанина?» — Крестьянинъ отвѣчалъ: «киргизы не велятъ мнѣ ставить здѣсь иконъ, такъ какъ землянка ихъ». — «Можно ли у тебя прославить Христа, ради сегодняшняго великаго праздника?» — «Нѣтъ ужъ, батюшка, не нужно, а то киргизы узнаютъ объ этомъ, выгонятъ меня совсѣмъ изъ землянки, не позволятъ мнѣ жить здѣсь и держать скотъ въ ихъ аулѣ».

Въ другомъ мѣстѣ русскіе, особенно юноши, совершенно забывали о всемъ дорогомъ для русскаго сердца, такъ, въ день Рождества Христова, одинъ русскій паренъ лѣтъ 18 прѣхалъ съ бигизомъ изъ степи молотъ пшеницу на мельницѣ. По случаю праздника мельникъ отказываетъ ему въ помолѣ, тотъ въ недоумѣніи спрашиваетъ, почему онъ не допускаетъ молотъ, совершенно позабывъ о праздникѣ.

Во многихъ семействахъ дѣти ходятъ безъ крестовъ, не подпоясаны, одни сидятъ въ комнатѣ въ шапкахъ, другіе съ растрепанными волосами, праздничнаго вида у нихъ совсѣмъ нѣтъ; играя съ киргизятами, усваиваютъ ихъ привычки, а своихъ молитвъ не знаютъ; лика святой иконы нельзя разобрать, только видна одна закопѣлая доска, да и ее ставятъ подалѣе, въ темный уголъ, чтобы киргизъ-хозяинъ не замѣтилъ. Въ одномъ аулѣ, въ 45 в. отъ Кустаная, миссіонеру пришлось натолкнуться на еще болѣе прискорбный фактъ: ему сообщили, что одинъ крестьянинъ этого аула поручилъ учить сына своего киргизскому муллѣ, сынъ проучился у него 2—3 мѣсяца и послѣ совсѣмъ не хотѣлъ читать ни Евангелія, ни Псалтири, которыя до того времени читалъ хорошо и охотно. Отдавая сына своего муллѣ, отецъ желалъ только, чтобы онъ научился киргизскому языку, но мулла успѣлъ въ большемъ... Немудрено послѣ этого, что даже женщины, которыя бывають религіознѣе мужчинъ, встрѣчали его холодно. Когда поселенцы живутъ съ киргизами, послѣдніе не обращаютъ вниманія и нарочно шумятъ во время молитвы русскихъ, а также ломаютъ кресты на могиллахъ.

Большинство изложенныхъ фактовъ обусловлены наличностью магометанской пропаганды въ степи: о. миссіонеръ во время поѣздки не разъ встрѣчалъ татаръ-фанатиковъ, которые проникаютъ всюду; одинъ татаринъ на своей мельницѣ открыто за

нимался магометанской пропагандой, а лѣтомъ, по словамъ русскихъ поселенцевъ, особенно много набѣзжаетъ казанскихъ татаръ въ киргизскую степь съ цѣлью распространенія ислама между киргизами.

На сколько татары успѣли укоренить мусульманскія вѣрованія въ киргизахъ, я могъ и самъ убѣдиться, когда лѣтомъ 1896 года былъ въ Тургайской области.

Въ южной части области, въ Мугоджарскихъ горахъ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ пожилымъ киргизомъ, не отличавшимся образованностью, между прочимъ, о смерти, боится ли онъ ея. — «Страшно, какъ не страшно помирать, говорилъ онъ; старый человѣкъ только и думаетъ, что о смерти: не знаешь, куда попадешь»...

Говорили и еще кое-что на эту тему.

Затѣмъ послѣдовало продолжительное молчаніе. Былъ уже вечеръ; въ дверь сквозь киботочныя рѣшетки виднѣлись поле и горы, освѣщенные прозрачнымъ свѣтомъ луны.

— «Вотъ русскіе, неожиданно прервалъ молчаніе киргизъ, — такой умный народъ, такъ много сдѣлали всякихъ изобрѣтеній, улучшеній, такъ хорошо живутъ, а что же до сихъ поръ не признали пророка Магомета?»

— Зная раньше христіанство, нельзя принять магометанство, отвѣтилъ я.

Вопросъ собесѣдника былъ весьма характеристиченъ и показывалъ, что даже въ малограмотныхъ киргизахъ укоренена увѣренность въ превосходствѣ магометанства надъ русской вѣрой; впрочемъ, надозамѣтить, что увѣренность эта не похожа на фанатичное, слѣпое упорство татаръ; тѣмъ не менѣе, все это послѣдствіе татарской пропаганды, которая дѣйствуетъ тамъ черезъ муллъ, торговцевъ-татаръ, проникающихъ во всѣ концы степи, и путемъ школъ, тѣхъ первоначальныхъ магометанскихъ школъ, которыя извѣстны подъ названіемъ мектебе и крайне дешево стоятъ, почему онѣ и распространились широко по всей степи. Мо-

гучія орудія имѣетъ татарская пропаганда въ своихъ рукахъ, поэтому-то она и дѣлаетъ такіе успѣхи, и борется съ нею надобно серьезными мѣрами: она подкапывается подъ русское дѣло, распространяя въ степи книжки противъ русскихъ, превратныя понятія о ихъ жизни и извращенныя толкованія ихъ религіозныхъ понятій и обычаевъ. Тотъ же о. Соколовъ, напримѣръ, сообщаетъ, что киргизы подъ влияніемъ татаръ неоднократно спрашивали о времени праздника Крещенія Господня, говоря: «когда шайтана будете вы спускать въ воду?» Борются надобно равносильными мѣрами: путемъ религіозной проповѣди и организаціи школъ, въ особенности дешевыхъ и легко распространяемыхъ.

Въ томъ и другомъ отношеніи русская власть уже сдѣлала кое-что и, конечно, только что приведенныя явленія изъ области отношеній русскихъ поселенцевъ и киргизъ, относящихся къ началу 90-хъ гг., въ послѣднее время значительно ослабли, но тѣмъ не менѣе борьба еще далека до окончанія, и надо работать и закрѣплять уже сдѣланное.

Въ видахъ борьбы съ исламомъ на востоцкѣ Россіи, въ Тургайской области, открытъ вышеупомянутый миссіонерскій стантъ въ городѣ Кустанаѣ и организованъ новый типъ русскихъ школъ для киргизъ — такъ называемыхъ подвижныхъ *аульныхъ*, по образцу упомянутыхъ татарскихъ мектебе, стоящихъ каждая не болѣе 325 рублей въ годъ. Аульные школы, кочуя вмѣстѣ съ аулами, вполне подошли къ быту киргизъ и быстро привились къ нимъ: киргизскія дѣти обнаруживаютъ замѣчательное прилежаніе къ ученію, учатся даже лѣтомъ и, кончая школы, представляютъ изъ себя новый типъ киргизъ, уже не враждебный русскимъ началамъ.

Миссіонерскій стантъ успѣшно открылъ свою дѣятельность, но все это только еще начало.

Въ то время какъ Киргизская миссія въ Тобольской и Томской, а теперь и

Омской епархіяхъ получила въ послѣднее время большую благоустроенность, миссія въ Тургайской области далеко еще не устроена, какъ того требуетъ дѣло евангельской проповѣди. Въ Акмолинской, напр., области, сосѣдней съ Тургайской, существуютъ три миссіонерскихъ стана близъ городовъ: Акмолинска (село Александровское), Атбасара (поселокъ Донской) и Каркаралинска (станція Баянъ-Аульская).

Въ селѣ Александровскомъ построены миссіонерскій домъ, школа и молитвенный домъ, который вскорѣ замѣненъ будетъ церковью.

Устройствомъ помѣщенія мѣстные миссіонеры обязаны вниманію г. генералъ-губернатора, барона М. А. Таубе, который, посредствомъ щедраго пособія, выданнаго на устройство миссіонерскихъ зданій, оказалъ великое благодѣяніе не только православной миссіи, но и русскимъ переселенцамъ въ Киргизской степи.

Кустанайскій же станъ Тургайской области не имѣетъ еще ни своего помѣщенія, ни школы, ни церкви, ни достаточнаго числа дѣятелей, тогда какъ важное значеніе его для мѣстности и русскихъ поселенцевъ изъ всего вышележащаго очевидно.

Авторитетъ миссіонера, не имѣющаго церкви, а только приписаннаго къ собору, какъ въ Кустанай, очень роится въ глазахъ народа, и тѣмъ высокое въ инородческомъ краѣ миссіонерское служеніе только умаляется, на радость мусульманъ. Народъ не представляетъ себѣ священника безъ своей церкви и прихода, въ противномъ случаѣ смотритъ на него какъ на заштатнаго. Въ Кустанай существуетъ «церковь-школа», принадлежащая вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, и было бы очень желательно въ успѣхахъ миссіи приобрѣсти эту «церковь-школу» для Кустанайскаго миссіонерскаго стана, или же приступить къ постройкѣ новой церкви-школы. Состоящій при станѣ псаломщикъ-

учитель могъ бы преподавать въ миссіонерской школѣ для мальчиковъ при этомъ зданіи въ дообѣденные часы и вести вечерніе классы для взрослыхъ.

Необходимо въ Тургайской области устройство и другого стана. Совѣтомъ Московскаго православнаго миссіонерскаго общества уже отпущены и средства на содержаніе въ 1897 году въ Тургайской области двухъ становъ—въ г. Кустанай и въ Макарьевскомъ поселкѣ.

Въ этомъ поселкѣ, населенномъ новокрещеными, настоятельно необходимо особый священникъ-миссіонеръ. Макарьевскій поселокъ, въ 100 саженьяхъ отъ котораго находится другой поселокъ, Михайловскій, можно было бы объединить съ этимъ послѣднимъ въ одинъ приходъ.

Въ такихъ инородческихъ областяхъ, какъ Тургайская область, желательно назначеніе въ православные приходы священниковъ именно съ миссіонерскимъ направленіемъ и по возможности знающихъ мѣстный инородческій языкъ. Это одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для успѣховъ нашихъ миссій и въ дѣлахъ обрусѣнія инородцевъ, особенно въ виду мусульманской пропаганды: татары въ степи не дремлютъ, съѣздомъ покрываютъ ее своими школами, и ядъ ихъ пропаганды все болѣе распространяется среди киргизъ.

Кустанайскій станъ насчитываетъ у себя до 50 человекъ крещенныхъ киргизъ, число которыхъ съ устройствомъ дѣла миссіонерскихъ становъ въ Тургайской области несомнѣнно будетъ увеличиваться такъ какъ, несмотря на татарскую пропаганду, въ киргизской массѣ есть много людей простыхъ, непохожихъ на мусульманъ-фанатиковъ, у которыхъ сердце не закрыто и умъ не ослѣпленъ для воспріятія евангельской проповѣди.

Въ зимнюю поѣздку по ауламъ въ святинѣ о. миссіонеръ Соколовъ наставлялъ и подкрѣплялъ русскихъ, а также не упускалъ случаевъ бесѣдовать и съ киргизами. Онъ наставлялъ русскихъ поселенцевъ не забы-

вать имени Божія, жить по совѣсти, незаконныхъ браковъ избѣгать, не стыдиться религіозныхъ обязанностей предъ киргизами, особенно заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, съ малыхъ лѣтъ приучать ихъ къ молитвѣ, крестному знаменію, въ виду тѣснаго общенія ихъ съ киргизской средой, подъ влияніемъ которой они усваивали прямо киргизскую внѣшность, убѣждалъ въ особенности жить въ мирѣ и любви и по братски съ киргизами, чтобы киргизы, видя ихъ добрую жизнь, славиліи христіанскую вѣру. Здѣсь мы видимъ выраженіе тѣхъ началъ равенства, братства и терпимости къ инородцамъ, которыми издавна была проникнута русская миссіонерская дѣятельность и инородческая политика. Начиная съ соборнаго уложенія Алексѣя Михайловича 1649 г., они не разъ были подтверждаемы въ царскихъ и императорскихъ указахъ воеводамъ и губернаторамъ. Вся исторія распространенія нашихъ владѣній въ Средней Азій показываетъ, какою умѣренностью, терпимостью и снисходительностью къ инородцамъ отличалась политика русскаго правительства и какъ сила вещей и симпатіи народовъ сами собою переходили на сторону русскихъ.

Въ этомъ—коренное отличіе нашей политики отъ англійской: послѣдняя заставляетъ англичанъ, напримѣръ, въ Индіи, исключать изъ общенія съ собою даже иностранцевъ-путешественниковъ, которые позволили бы себѣ просто, по человѣчески, обращаться съ туземцами-индусами и допускать ихъ въ свое общество.

Такимъ образомъ, православный миссіонеръ Тургайской области встрѣчалъ иногда въ киргизскихъ аулахъ зачерствѣлыя русскія сердца, охладѣвшія къ своей вѣрѣ, но зато въ другихъ мѣстахъ онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, съ какою радостью и торжествомъ принимали его православные люди, заброшенные судьбою въ далекую степь, и какъ благодарили Бога, что онъ послалъ къ нимъ священника. Такъ необходимы

миссіонерскіе объѣзды русскихъ поселеній въ киргизской степи до тѣхъ поръ, пока не будутъ воздвигнуты въ нихъ храмы и не лягутъ свои пастыри.

Еще стояли крещенскіе морозы и носились январскія мятели, когда о. миссіонеръ Ѳ. Соколовъ возвращался изъ первой поѣздки по киргизскимъ ауламъ въ Кустанай; мало отраднаго для православнаго сердца вынесъ онъ изъ жизни русскаго мужичка въ киргизской степи, много задачъ открывалось для него и другихъ русскихъ дѣятелей въ этомъ краѣ.

Такъ-то идетъ работа на Руси: кто работаетъ въ городахъ, а кто въ киргизскихъ землянкахъ, кто весело, шумно и полно встрѣчаетъ праздники въ городахъ подъ звонъ колоколовъ, а кто въ киргизскихъ степяхъ, среди снѣжныхъ равнинъ, подъ стоны мятелей.

С. Рыбаковъ.

Извѣстія и замѣтки.

О Синодальномъ архивѣ.

Архивъ Святѣйшаго Синода въ послѣднее время приобретаетъ все болѣе и болѣе правъ на почетное мѣсто среди однородныхъ съ нимъ учреждений, владѣющихъ цѣнными собраніями историческихъ матеріаловъ. По своему происхожденію одновременный Святѣйшему Синоду, архивъ за продолжительный періодъ своего существованія постепенно и послѣдовательно получилъ на храненіе свыше полумилліона дѣлъ и шести тысячъ томовъ переплетенныхъ документовъ и книгъ. По содержанію своему, эти дѣла и документы имѣютъ несомнѣнно высокую важность и особенное историческое значеніе. Всѣ учрежденія, когда либо дѣйствовавшія въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода въ Петербургѣ, передали свои дѣла въ этотъ архивъ. Сюда же поступили многія

Годъ 21-й.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

Кн. LXXX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1909, № 1.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. Θ. Миллера,
Товарища Предсѣдателя Н. А. Ангука.

и

Секретаря В. В. Богданова.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1909.

комится на мѣстѣ съ нуждами калмыковъ и постарается удовлетворить какія можетъ.—

25 февраля Мампый пожелалъ сдѣлать визитъ архіепископу, которымъ былъ принятъ ласково. Двое мѣстныхъ художниковъ, Л. П. Базанова и А. С. Капустина, приглашали къ себѣ Мампья, каждая на нѣсколько сеансовъ, и сдѣлали съ него портреты. П. Т. Виноградовъ, заинтересовавшійся шаманствомъ, приглашалъ кама къ себѣ и велъ продолжительные разспросы съ нимъ, дѣлая записи о шаманствѣ. 26 февраля въ обществ. собраніи происходило камланіе, которому предшествовалъ докладъ А. В. Адрианова, посвященный шаманству и жрецамъ; залъ былъ полонъ интересовавшейся публикой. — Въ тотъ же день вечеромъ, какъ докладъ, такъ и самое камланіе были повторены въ технологическомъ институтѣ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ-технологовъ, переполнившихъ аудиторію. Передъ и послѣ камланія Мампый былъ изслѣдованъ группой врачей, при помощи приборовъ, со стороны сердца, пульса, дыханія, общей чувствительности и проч., причемъ получены, какъ мы слышали, чрезвычайно интересные результаты. (См. здѣсь же: „О дѣйствіи камланія на кама“).

Для черезъ два камъ Мампый уѣзжаетъ на свой Алтай, по горамъ и долинамъ котораго скоро понесутся рассказы о пребываніи Мампья въ Томскѣ.—(„Сиб. Жизнь“, 1909, № 44—46).

Киргизы и ихъ музыка. Въ засѣданіи Императорскаго Географическаго общества авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ изслѣдованій быта, поэтическаго и музыкальнаго творчества восточныхъ инородцевъ Россіи и Туркестана, С. Г. Рыбаковъ сдѣлалъ интересный докладъ: „Киргизы Тургайской области и ихъ пѣсенное и музыкальное творчество“.

Долговременное пребываніе въ Тургайской Области въ качествѣ крестьянскаго начальника дало возможность С. Г. Рыбакову основательно познакомиться съ бытомъ и творчествомъ киргизовъ и собрать свыше 100 пѣсенъ. Этотъ матеріалъ по его словамъ еще не былъ использованъ нашими этнографами. Первая записъ киргизскихъ пѣсенъ была сдѣлана въ началѣ XIX ст. и нѣсколько пѣсенъ съ мелодіями изданы въ Азіатскомъ Вѣстникѣ въ Астрахани въ 1816 г. Другой разъ пѣсни (11 мелодій) напе-

чатаны г. Пфеннигомъ въ „Этнографическомъ Обзорѣнїи“ за 1889 г. „Вотъ и все, что имѣлось до сего времени.

Докладчикъ констатировалъ большую плодovitость пѣсеннаго творчества у киргизовъ. Чуть ли не въ каждомъ аулѣ свои сочинители пѣсенъ и музыки. При посѣщенїи докладчикомъ одного аула въ его честь была сочинена и спѣта пѣсня женщинами. Иногда въ своемъ творествѣ киргизы отзываются на текущія событія въ ихъ жизни. Когда были среди нихъ въ 1908 году волненія противъ русскихъ и былъ убитъ ими одинъ русскій учитель, около тридцати киргизовъ были арестованы. Сестра одного изъ арестованныхъ сочинила пѣсню, въ которой оплакивается участь брата. И та и другая пѣсни были исполнены (униссономъ) г-жами Бояровой и Рейманъ въ засѣданїи.

Виды пѣсенъ разнообразны. Очень распространены лирическія пѣсни, называемыя кар'улѣн(г). Въ нихъ воспѣвается дѣвицѣ красота, любовь; пѣвцы стѣснялись порою пѣть ихъ г. Рыбакову и нужно было ободрять ихъ и настаивать на исполненїи. Повѣствовательныя пѣсни или былины—усыр—часто отличаются своими размерами. Иную былинку можно пѣть цѣлую ночь. Большою частью въ нихъ прославляются умершіе предки.

Особый видъ пѣсенъ—это „пѣсни состязательныя“ — ајтыскан сѣз. Поютъ ихъ пѣвцы другъ передъ другомъ. Судьями являются обыкновенно дѣвицы и зачастую дѣвица выходитъ замужъ за одержавшаго верхъ пѣвца.

Музыкальное творчество проявляется въ мелодїяхъ пѣсенъ (ан) въ инструментальныхъ пьесахъ (куп). Изъ музыкальных инструментовъ главнѣйшіе: домбра—инструментъ съ коробкой и длинной шейкой и двумя струнами, настроенными въ кварту въ предѣлахъ квинтовыхъ звукорядовъ (звукъ получается отъ защипыванія струнъ пальцами), и кобызъ—смычковый инструментъ съ чашкообразнымъ резонаторомъ (выдолбленнымъ изъ цѣльнаго дерева) и длинной шейкой и также двумя струнами (изъ конского волоса), настроенными въ кварту. Въ зависимости отъ устройства инструментовъ, часто сопровождающихъ пѣніе, гармонія музыки киргизовъ двухголосная. Особенность ея—весьма частое примѣненіе запрещаемыхъ нашей музыкальной теорїей параллельныхъ квинтъ и квартъ, сообщающихъ много своеобразія музыкѣ и не лишенныхъ красоты. Мелодїи построены, какъ и у многихъ

народовъ нашего Востока, на системѣ квинтовыхъ и квартовыхъ звукорядовъ. Онѣ вообще диатоничны, хотя повышеніе на полътона встрѣчается. Четвертей тоновъ изслѣдователь не встрѣчалъ ни въ одной мелодіи не только у киргизовъ, но и у другихъ народовъ Востока—у персовъ и у афганцевъ. Г. Рыбаковъ разсказалъ также объ искусствѣ шамановъ (баксы), къ которымъ мусульманское духовенство относится враждебно. Они закливаютъ злыхъ духовъ и лѣчатъ болѣзни. Въ ихъ пѣсняхъ чередуется грозная дикость съ чарующей прелестью. Среди пѣсней есть описательныя и звукоподражательныя, подражающія пѣнію курносаго или кукушкѣ. Такую пѣсню (очень понравившуюся) въ числѣ прочихъ исполнилъ г. Гольтисонъ.

Многія исполненныя пѣсни имѣютъ несомнѣнное художественное значеніе, напр. пѣсня слѣпой дѣвушки, „Айша“ и „Не болѣау, еркемъ“ (въ минорѣ) спѣтыя артистично г-жей Яновой. Интересна и такъ называемая „сумеречная мелодія“, исполненная на домбрѣ г. Глушковымъ, аккомпанировавшимъ пѣнію на этомъ инструментѣ.

Въ заключеніе докладчикъ выразилъ мысль, что изученіе киргизской музыки можетъ оказать освѣжительное вліяніе на русскую музыку и что гениальный Бородинъ во многомъ въ своей оперѣ „Князь Игорь“ удивительно схватилъ особенности музыки нашихъ восточныхъ инородцевъ.

(„Речь“.)

Пѣсни каторги. Очень интересный докладъ о пѣсняхъ каторжанъ, бродягъ, сибирскихъ инородцевъ и заводскаго населенія Урала сдѣлалъ 18-го февраля г. Гартевельдъ въ засѣданіи музыкально-этнографической комиссіи Общества антропологии, естествознанія и этнографии. Это былъ собственно не столько докладъ о пѣсняхъ, сколько демонстрація самыхъ пѣсней, сопровождавшаяся краткими объясненіями докладчика. Г. Гартевельдъ—композиторъ, авторъ нѣсколькихъ оперъ („Пѣнь торжествующей любви“) и другихъ произведеній. Какъ музыканту и шведскому подданному, ему чрезъ шведскаго посланника удалось достать отъ П. А. Столыпина пропускъ въ тюрьмы и на каторгу для записи пѣсней заключенныхъ. И то, что г. Гартевельдъ привезъ изъ своей поѣздки, лишній разъ